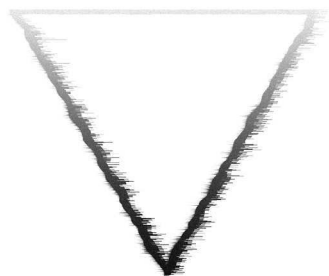

МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**

Лена ОБУХОВА

МОНСТР

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на обложке
Натальи Афанасьевой

Обухова, Елена Александровна.

О-26 Монстр / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Магические романы Лены Обуховой).

ISBN 978-5-04-120661-1

В мире, где технологии соперничают с магией, невозможного не существует. Лионелла Донован, аналитик Корпуса Либертад, убеждается в этом на своей работе каждый день. Но даже ее границы возможного существенно раздвигаются, когда однажды посреди ночи ее вызывают на новое место преступления. В доме, окруженном сотрудниками Корпуса и магами, она сталкивается с необъяснимым — с точной копией себя. А чуть позже в ее жизнь неожиданно возвращается считающийся погибшим бывший начальник Маркус Фрост, которого она любила без ответа и потеряла, не успев сказать главных слов. Вместе им предстоит разобраться, кто, как и зачем создает монстров с человеческими лицами. Но тот ли это Маркус, которого она знала? И кто во всей этой истории настоящий монстр?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120661-1

© Обухова Л., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Глава 1

Мне часто снится этот сон.

Я снова прихожу на второе собеседование в Корпус Либертад. Я молода, амбициозна и слишком большого мнения о себе. Немного раздражена из-за того, что Корпус сам пригласил меня, неизвестно где раздобыв резюме, поскольку работу я на тот момент не искала, а теперь гоняет по собеседованиям. Сначала с кадровиком, теперь со старшим следователем группы, в которую меня должны взять. Обещают еще одно — с директором направления. Вместе с тем я испытываю легкое возбуждение от перспективы стать частью одной из самых загадочных и могущественных организаций Дарконской Федерации.

Я сижу в скромной переговорной на троих, на столе передо мной стоит чашка кофе, заботливо поданная секретарем, а старший следователь опаздывает уже на десять минут. В абсолютной тишине я разглядываю скучные стены, гадая, стоит ли проявить характер и уйти, когда истекут пятнадцать минут — допустимое правилами приличия опоздание.

Во сне часть меня уже знает, что произойдет дальше. Эта часть ждет того момента, когда откроется дверь и моя жизнь разделится на «до» и «после».

«До» я была уверена, что любовь — это всего лишь гормоны. Я считала, что слабые коленки, дрожь внутри, затрудненное дыхание и неумение сформулировать

мысль в присутствии объекта страсти — удел глупых куриц, не знающих себе цену. Я и само существование страсти ставила под сомнение, предполагая, что так люди оправдывают совершенные ошибки. Я никогда не теряла голову, подходя к кавалерам с трезвым расчетом. Тот приводил мою маму в уныние.

«После» я считала себя дурочкой, ничего не понимавшей раньше. Никогда не любившей. Наверное, так и получается, когда впервые влюбляешься в двадцать пять. Впервые испытываешь и трепет, и восторг, и страх, и отчаяние. Начинаешь сомневаться в себе, в собственной привлекательности, теряешь голову и путаешь слова.

— Лионелла Донован, — тихо, но очень внятно читает с листа мой интервьюер. Ему уже хорошо за тридцать, у него очень красивые светло-серые глаза и абсолютно черные волосы, короткая стрижка, подтянутая фигура и военная выправка. Форма старшего следователя сидит на нем идеально. — Лионелла... Необычное имя.

В своем сне я раз за разом краснею, когда слышу это, как и было в реальности. Мне мое имя всегда нравилось, но в тот момент я испытала неловкость из-за того, что оно у меня такое необычное. Я помню, как испугалась, что из-за него меня могут не взять. Я и так была слишком молода и не очень-то походила на аналитика, на должность которого меня собирались взять. Разве блондинки бывают аналитиками?

Во сне мой будущий шеф — Маркус Фрост — смотрит на меня и задает какие-то вопросы, но я их не слышу. В реальности я была слишком потрясена им, поэтому ничего не запомнила: ни о чем он спрашивал, ни что я отвечала, краснея и заикаясь, как школьница.

Я силюсь предупредить об опасности, грозившей ему, но не могу. Я не помню слов, не знаю, как это сказать и как объяснить. А он все что-то говорит и говорит, его тихий вкрадчивый голос обволакивает меня. Мар-

кус Фрост словно залезает мне под кожу, опутывает тонкой нитью паутины, навсегда замыкает на себя, чтобы я никогда не смогла посмотреть ни на кого другого. Так не бывает, скажете вы? Я тоже так думала.

В реальности мы проработали вместе около года. Я научилась не заикаться в его присутствии, стала приносить пользу и вскоре добилась того, что шеф начал ценить меня как профессионала. К сожалению, он совершенно не замечал меня как женщину.

Маркус был дружелюбным и приветливым, всегда демонстрировал готовность прийти на помощь подчиненным: выслушать их проблему, понять ее и решить или хотя бы объяснить, как решать. Он помнил все дни рождения и всегда находил несколько добрых слов, когда мы в них нуждались. Когда мы подводили его, он нас прощал, перед руководством всегда брал ответственность на себя за наши ошибки, а нас только просил больше так не делать. Все тем же тихим и спокойным голосом, который пробирался мне под кожу и вызывал волну мурашек каждый раз, когда я его слышала. Каждый из нас в такой момент был готов умереть на месте, только бы больше его не подвести. И мы не подводили. Скажете, таких начальников не бывает? Я тоже так думала.

Мы были друзьями. Точнее... я пыталась быть его другом. Несмотря на всю свою доброжелательность, он оставался очень закрытым человеком. Даже те, кто работал с ним давно, не знали, чем он живет и от чего бежит. Ходили слухи о какой-то темной истории, связанной с магами, из-за которой он ушел из армии и пошел работать в Корпус Либертад, но никто не знал подробностей. Сам он не рассказывал, а на осторожные вопросы или отвечал молчанием, или искусно менял тему. Несколько раз я пробовала проникнуть за стену холодного вежливого отчуждения, окружавшую его, но только однажды мне это почти удалось.

Заканчивался последний месяц зимы. Работы, как и всегда, было много, людей — слишком мало, а бюрократические заморочки съедали половину рабочего времени. Однако мне удалось выбить неделю отпуска, и в последний рабочий день я задержалась допоздна, твердо решив, что подчищу все бумажные «хвосты» сегодня.

К тому моменту, когда мне это удалось, общественный транспорт уже закончил работу, собственной машины у меня еще не было, поэтому я вызвала такси. Пока ждала его, решила посетить офисную кухню и выпить чашку кофе. Порой некоторые из нас практически жили в штаб-квартире Корпуса, поэтому здесь имелось все необходимое: кухня, душевые, даже несколько спален, похожих на номера в очень аскетичной гостинице.

В ту ночь штаб-квартира была почти пуста. Несколько человек находились на посту охраны, может быть, кто-то еще сидел в лабораториях, кабинетах и ритуальных залах, а на кухне в тот момент оказался только он, мой шеф, старший следователь Маркус Фрост.

Он сидел, развалившись в кресле за дальним столиком у огромного окна во всю стену, и задумчиво смотрел на свое отражение в темном стекле. Кажется, я впервые видела его без кителя, с расстегнутыми верхними пуговицами белоснежной форменной рубашки. Следователи относились к военизированной части Корпуса и носили форму, близкую по виду к армейской, хотя сам по себе Корпус оставался независим от армии Федерации.

Для всех всегда оставалось загадкой, как Фросту удается выглядеть идеально каждый день в любой ситуации. Даже когда мы проводили расследования в глуши и были на ногах сутками, его рубашка казалась свежей, а форма, застегнутая на все пуговицы, никогда не мялась. Он всегда был гладко выбрит, пострижен, причесан «по уставу» и источал тонкий ненавязчивый аромат хорошего мужского парфюма.

Именно поэтому я очень удивилась, увидев его без кителя, в расстегнутой сверху рубашке, с чуть взъерошенными волосами и легкой тенью щетины на подбородке. Он выглядел уставшим и очень грустным. Даже не будь я аналитиком, догадалась бы: случилось что-то плохое.

— Разве ты не должна быть в отпуске? — поинтересовался Маркус, заметив меня. Несмотря на состояние, он нашел силы на небольшую улыбку и доброжелательный тон.

— Можешь считать, что я уже в нем, — улыбнулась я в ответ. — Решила разорить Корпус на чашку кофе перед уходом, после чего неделю не хочу никого из вас видеть.

Я сказала это легким шутливым тоном, естественно, не имея в виду его самого, поскольку больше всего на свете я хотела бы видеть его каждый день: первым делом утром и последним делом перед сном.

Он улыбнулся, на мгновение отведя взгляд в сторону, и я вдруг поняла, что он прекрасно знает об этом моем желании, просто старается не показывать вида. Все эти месяцы он упрямо игнорировал мои попытки флиртовать с ним, но ни разу откровенно не велел прекратить. Щадил мою гордость, должно быть. Поэтому со временем я прекратила сама, решив, что я не в его вкусе. Или он уже с кем-то, или категорически против романов на рабочем месте, или просто не замечает.

Маркус посмотрел на часы, покачал головой и предложил:

— Давай я лучше сделаю тебе чай. Поухаживаю за тобой напоследок.

Он тяжело поднялся на ноги, словно на плечи ему давила гранитная плита весом в тонну, но оказался у кухонных шкафчиков первым, включая вместо кофемашины чайник.

— Спасибо, — поблагодарила я, садясь без приглашения за тот же столик, за которым сидел он. На правах коллеги я легко могла себе это позволить.

— Куда-то уезжаешь? — спросил Маркус, ставя передо мной чашку ароматного черного чая с мятой и без сахара.

Он всегда помнил, кто и как в его группе предпочитает пить чай и кофе. Как он это делал, я до сих пор не знаю.

— Да, решила навестить подругу. Она недавно вышла замуж и уехала в Верту. Теперь тоскует там одна, без друзей, поэтому зовет в гости.

— В Верту? — удивился Маркус. — Променяла мир технологий на мир магии? Как непатриотично.

В его тоне слышалась ирония, но я все равно слегка напряглась. Дарконская Федерация не так давно обрела независимость от магов, на государственном уровне постоянно шли разговоры о важности сохранения нашего «особого» пути. Даже на тех, кто просто посещал территории магов, смотрели порой косо. В связи с этим я нервничала перед предстоящей поездкой, но не навестить лучшую подругу не могла.

— Полагаю, она не думала о патриотизме. Просто выбирала любимого мужчину.

— Неудачно выбрала, раз тоскует?

Обычно Маркус не имел привычки задавать так много вопросов, если только разговор не касался работы. Разговоры на личные темы он лишь поддерживал, но никогда не инициировал и не развивал. Сейчас же он с интересом смотрел на меня, сидя напротив, но уже прямо, а не развалившись.

— Да нет, вполне удачно. Но ей трудно адаптироваться к новой жизни. Как специалист она там не нужна, поэтому не работает. Ее муж — хороший человек, но очень занятой.

— Состоятельный?

— Вполне.

Маркус кивнул и потянулся к своей чашке, как будто не знал, о чем еще спросить, но та оказалась пуста. Поэтому он просто передвинул ее и снова посмотрел на меня.

— Отвезти тебя домой? Общественный транспорт уже не ходит.

— Я вызвала такси, — зачем-то честно призналась я, за что тут же себя возненавидела. Кто только тянул за язык?

— Ясно.

Казалось, его это огорчило. Я почти решилась сказать, что могу и отказаться от машины, возобновляя когда-то оставленные попытки флирта, но он уже задал новый вопрос:

— Давно хотел узнать: почему Лионелла? Необычное имя.

Я пожалала плечами. Меня часто спрашивали, почему родители дали мне такое имя, но я не могла рассказать ничего интересного. Даже придумала несколько историй, но сейчас все они вылетели из головы: меня слишком удивил сам факт вопроса. Наверное, это был самый личный вопрос, который я или кто-либо еще из команды слышал от Маркуса.

— Просто моей маме нравилось это имя.

— Красивое имя. Подходит красивой девушке.

Он улыбнулся. Это уже походило на комплимент, и моя почти похороненная надежда вдруг конвульсивно задргала ножкой. Неужели что-то сдвинулось с мертвой точки? Или просто ему сейчас так плохо, что он сам на себя не похож?

— У тебя все в порядке?

Возможно, это был не лучший ответ на комплимент, но меня вдруг сильно обеспокоили и его вид, и его тон, и его нетипичное поведение.

Он целую минуту молчал, глядя мне в глаза. Как будто желал что-то сказать, мысленно формулировал длинную речь, не зная, с чего лучше начать. Я терпеливо ждала ответа, выдерживая его взгляд, любуясь почти прозрачными серыми радужками в обрамлении черных ресниц.

— Все хорошо, — наконец ответил Маркус, и голос его прозвучал тихо и глухо как никогда. Ложь была настолько явной и неприкрытой, что в ней отчетливо слышалось: «Я не хочу с тобой об этом говорить».

Я набрала в легкие воздух, чтобы сказать что-то в ответ. Тишина и полумрак вокруг создавали иллюзию конца времени и мира, когда уже нестрашно переступать черту и нарушать статус-кво. Его состояние давало мне надежду, что именно сегодня я смогу получить от него какой-то простой и понятный знак, есть ли мне на что надеяться.

Он не отводил от меня взгляда, как будто ждал ответа, ждал нового вопроса, повода поделиться с кем-то возникшей проблемой. Я почти физически ощущала, как сильно он хочет о чем-то мне рассказать. Стена холодного отчуждения впервые дрогнула и показала мне едва заметную дверь, через которую можно за нее проникнуть. Мне оставалось лишь протянуть руку и толкнуть эту дверь, впервые оказаться по другую сторону стены и увидеть, что же она все это время скрывала. Или просто обороняла?

Сигнал мобильного телефона в одно мгновение разрушил красоту и интимность момента. Маркус откинулся на спинку кресла и отвернулся, а я ответила оператору службы такси: тот сообщил о приезде машины. Я поблагодарила, мысленно проклиная ни в чем не повинную женщину, и пообещала выйти через минуту. Потом посмотрела на Маркуса, на свою наполовину полную чашку, не зная, что делать.

— Иди, я уберу, — заверил он, снова улыбаясь отстраненно-вежливо. — Хорошо тебе отдохнуть. Увидимся через неделю.

— Спасибо, увидимся.

Момент был упущен, но я испытывала странный подъем, пересекая пустой холл на первом этаже. Мне казалось, что знак мне все-таки подали и через неделю, когда я вернусь, уже ничто не будет прежним. И только в этом я не ошиблась.

Вернувшись из отпуска, я узнала, что Маркуса больше нет. Его не стало ровно через неделю после нашего разговора, в такую же ночь накануне выходных. Я долго не могла в это поверить. Наверное, так и не смогла, хотя прошло два года. Мне все время снится этот сон, в котором я встречаю его в первый раз. Я хочу предупредить его об опасности, но не помню нужных слов, а просыпаясь, плачу от бессилия, невозможности что-либо изменить.

Больше никогда я не испытывала трепета внутри и слабости в коленях. Мое сердце стучит ровно, а каждый новый кавалер всегда недостаточно хорош. Я все еще чувствую тонкие нити паутины, опутавшие меня в день второго собеседования в Корпусе. Я знаю, что больше никогда и никого не смогу так любить. Я не могу его забыть. Не могу объяснить телу, сердцу и мозгу, что его больше нет и надежды тоже нет.

Вы скажете: так нельзя. Скажете: надо жить дальше. Скажете, что нельзя жить прошлым, потому что оно никогда не вернется. Прошлое нельзя изменить, нельзя исправить его ошибки, а те, кого мы потеряли, больше никогда не войдут в открывшуюся дверь.

Я тоже так думала.

Глава 2

Меня вытащили из постели посреди ночи. Голос Антуана Траута, директора направления, звучал в трубке довольно встревоженно. Я удивленно посмотрела на часы, которые показывали начало четвертого, протерла глаза, но так и не смогла понять, почему мне звонит сам директор и почему просит приехать. Причем приехать мне предстояло не в штаб-квартиру, а по какому-то совсем незнакомому адресу. Судя по всему, это было где-то за городом. Обычно расследования не начинались так внезапно. Да и точкой сбора всегда была штаб-квартира Корпуса.

— Да, Антуан, конечно, я скоро приеду, — пообещала я, так толком и не проснувшись.

Нажав «отбой», я еще пару минут неподвижно сидела в темноте, закрыв глаза и борясь с желанием снова лечь. Буквально накануне моя группа вернулась с расследования на юге страны. Дело было серьезное. Один из жителей небольшого сельского поселка решил, что сеять и собирать урожай — это слишком сложно. Поскольку в его роду имелись одаренные маги, он попробовал этим воспользоваться: насылал всякую дрянь на соседей и вынуждал идти к нему же за помощью.

Пока мы в этом разобрались и вычислили его, успело случиться много разных неприятностей. Торопясь остановить несчастья, наша группа работала почти кругло-

суточно. После урезания финансирования количество вспомогательного персонала резко сократилось, поэтому следователям, экспертам и аналитикам чаще приходилось принимать участие в нудном наблюдении, в том числе по ночам. Вернувшись домой, я рассчитывала хотя бы на неделю спокойной работы в обычном офисном режиме, но что-то пошло не так.

Оставалось радоваться тому, что жила я одна и мне не пришлось никому объяснять, куда я собралась посреди ночи и зачем. Впрочем, собственное одиночество вообще редко меня расстраивало.

Я не стала тратить время и силы на долгие сборы. Натянув плотные повседневные брюки и первый попавшийся под руку свитер, я перелила кофе в термокружку, влезла в кроссовки, валявшиеся посреди прихожей еще с последней перед командировкой вечерней пробежки, собрала длинные светлые волосы в высокий хвост и, натянув короткую кожаную куртку, спустилась во двор.

На улице было тихо, темно и чрезмерно свежо, как бывает в столице только на окраине ранним утром в начале весны. Прохладный воздух бодрил, поэтому к тому моменту, когда я нырнула в приятно пахнущий салон совсем новенькой машины, я смогла сбросить с себя вязкую паутину сонливости. Глоток кофе и ожившая вместе с двигателем музыка заставили улыбнуться. Поймав собственное отражение в зеркале заднего вида, я с удовлетворением отметила, что даже без макияжа и прически, с недосыпом и своими «без малого тридцать» я все равно выглядела довольно мило этим безбожно ранним утром. Это подняло мне настроение, и, скользя по почти пустым улицам в вишнево-красном седане, я принялась подпевать магнитоле.

Пользуясь ранним утром и отсутствием пробок, навигатор, в который я забила присланный Антуаном адрес, повел меня через центр города. Невысокие